

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА
«ПРИНУЖДЕНИЕ» ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЙ СОВРЕМЕННОГО
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Работа представлена кафедрой английской филологии.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. А. Кобрин

В статье рассматриваются способы репрезентации концепта «принуждение» глаголами английского языка, передающими различные формы и оттенки принуждения.

The article represents the ways of expressing the concept «compulsion» by the English verbs which semantics reflects different forms and means of forced influence.

Проводимый анализ семантических и функциональных свойств глаголов, с той или иной степенью выраженности номинирующих принуждение – *to force, make (smb. do smth), compel, constrain, coerce, oblige, press, pressure/pressurize, insist, bring, impose,*

foist, bully, bulldoze, intimidate, threaten, extort, extract, squeeze, demand, exact, command, order, dictate, require, induce, coax, cajole, wheedle и др., – базируется на основополагающих принципах когнитивного подхода, позволяющего объединить дан-

ные единицы в отдельный, самостоятельный подкласс, отличающийся масштабностью и разнородностью состава, а кроме того, выявить, что в основе системного/функционального значения разнородной на первый взгляд лексики лежат схожие мыслительные представления и, как следствие, вербализация одного концепта.

Концепт «ПРИНУЖДЕНИЕ» является сложным ментальным образованием, характеризующимся широким, объемным содержанием, многоярусной структурой стохастического характера и разнообразными связями и взаимодействиями с другими концептуальными пространствами¹. В результате анализа данных словарей-тезаурусов, словарных дефиниций рассматриваемых глаголов и текстовых примеров можно утверждать, что содержание концепта «ПРИНУЖДЕНИЕ» конституируется концептуальными блоками «ШАНТАЖ/ЗАПУГИВАНИЕ», «ВЫМОГАТЕЛЬСТВО/ВЫПЫТЫВАНИЕ», «ПРИМЕНЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ», «УПРАВЛЕНИЕ (ПРИКАЗ, ТРЕБОВАНИЕ)», «УБЕЖДЕНИЕ», «ОБМАН/ХИТРОСТЬ», «ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ/НАВЯЗЫВАНИЕ», которые в силу некоторой комплексности значения принуждения, определяемой ментальностью человека, могут находить совместное выражение в семантической структуре глаголов (например, *to coerce – to compel by force, intimidation, or authority, especially without regard for individual desire or volition; to foist – to force upon or impose fraudulently or unjustifiably; to wheedle – to endeavor to influence (a person) by smooth flattering, or beguiling words or acts; to persuade (a person) by such words or acts*² и др.).

Выбор того или иного глагола на языковом уровне выявляет особенности интерпретации говорящим некоторого аспекта межличностной деятельности людей в определенной ситуации и в значительной степени управляется прагматическими факторами. В целом же восприятие некоторого воздействия как принудительного имеет

как социальную, так и индивидуальную детерминированность – другими словами, зависит от интерпретации социального феномена «принуждение» общественным/коллективным сознанием и обусловлено знаниями каждого отдельного человека о ситуации принуждения. При этом типичной или стереотипной ситуацией принуждения следует считать разновидность каузативной ситуации (при широком понимании *каузативности*), в которой: 1) в качестве каузирующего субъекта (ПРИНУЖДАЮЩЕГО) и каузируемого субъекта (ПРИНУЖДАЕМОГО) выступают одушевленные объекты – лица (возможны случаи их метафорического обозначения); 2) каузируемое действие бенефактивно для ПРИНУЖДАЮЩЕГО, который действует в собственных интересах, игнорируя интересы и желания воздействуемого индивида; 3) воздействие осуществляется *целенаправленно*, носит жесткий или настойчивый характер и имеет целью добиться совершения действий людьми *вопреки их воле* (под «волей» понимаются такие компоненты сознания человека, как желание, согласие, намерение)³.

В наиболее обобщенном, «типизированном» виде представляют ситуацию принуждения глаголы *to force* (ядерный/прототипический глагол данного подкласса, имеющий большие синтагматические и функциональные возможности и обладающий наиболее широким спектром значений), *to make (smb. do smth)*, *to compel*, *to coerce*, *to constrain*, *to dragoon* (последние три являются низкочастотными единицами). Конструкции с данными глаголами, описывая *гипотетическую, потенциальную* ситуацию принуждения – «*You're not leaving her here? he protested. «She won't come.» «Force her, then!» [R. Bradbury⁴]*, либо *реальную*, ставшую фактом действительности (или воспринимаемую как таковую) – «*They m-m-made me! Please, M-Miss Ratched, they may-may-MAY-!*» [K. Kesey], выражают принуждение в самом общем виде, т. е. значение указанных каузативных предикатов

«ограничивается мыслью об обуславливающем воздействии вкупе с представлением о модусе, способе, характере воздействия и не содержит мысль о конкретном признаке, обусловленном воздействием»⁵. Таким образом, средство или способ каузации при данных глаголах может отсутствовать, может включать множество разнообразных, трудно учитываемых компонентов, определяемых близким или далеким, предшествующим или последующим контекстом, в редких случаях может эксплицироваться в этом же предложении обстоятельством образа действия: *Finally, **with threats of violence against him and his family, they compelled him to talk [LLA]***, либо конкретизироваться упоминанием сопутствующих обстоятельств: ***Hold a gun on a man and force him to listen to your speech [R. Bradbury]***. Большинство же глагольных единиц исследуемого подкласса выступают средством вербализации различных более узких значений, основанием которых является концепт «ПРИНУЖДЕНИЕ», актуализируя тем самым те или иные факультативные компоненты фрейма «ПРИНУЖДЕНИЕ».

Рассматривая концепт как единицу мышления, как некое знание, под фреймом мы понимаем «форму организации этого знания, способ его мыслительного структурирования»⁶, т. е. структурную канву концепта. В качестве облигаторных компонентов фрейма «ПРИНУЖДЕНИЕ» можно выделить следующие: ПРИНУЖДАЮЩИЙ, ПРИНУЖДАЕМЫЙ, КАУЗИРУЮЩЕЕ ДЕЙСТВИЕ и КАУЗИРУЕМОЕ ДЕЙСТВИЕ; факультативными компонентами будут являться СПОСОБ И ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБА ПРИНУЖДЕНИЯ, КАТЕГОРИЧНОСТЬ, ИНТЕНСИВНОСТЬ/НАСТОЯТЕЛЬНОСТЬ, ХАРАКТЕР ПРИНУЖДЕНИЯ (официальный/неофициальный).

В зависимости от используемого способа принуждения, указание на который содержится в семантике глагола или эксплицируется контекстуальными средствами, можно выделить несколько частных интер-

претаций структуры общего фрейма «ПРИНУЖДЕНИЕ» (субфреймы): «убеждающее принуждение» (*induce, coax, cajole, wheedle* и др.), «принуждение посредством угроз/запугивания» (*bully, bulldoze, intimidate, threaten* и др.) – *He told me he tracked Julio down to Funchal ...but couldn't cajole, or threaten, Julio into returning anything [H. Fielding]*; «получение/попытка получения посредством принуждения» (данный субфрейм актуализируется глаголами *to extort, extract, squeeze, wring, tear (sth out of from smb)* и некоторыми другими, которые в своем прямом значении (за исключением глагола *to extort*) формируют подкласс глаголов физического воздействия (на неодушевленный объект), однако метафорическое осмысление семантических признаков [использование механической силы, резкость, напористость, стремление к качественному/сущностному изменению объекта, предельность (стремление к пределу, завершенности)] является когнитивной основой реализации значения принуждения на функциональном уровне: *If he lived, they could tear the whole story from him in a matter of hours [C. Cussler]*; 4) «социально/официально обусловленное принуждение», выражаемое глаголами приказа и требования – *command, order, dictate, demand, exact, decree, require* и др. Требуя или отдавая приказ, говорящий стремится достичь цели, апеллируя к своему служебному или иному положению, дающему ему власть над слушающим. Под «иным положением» имеется в виду позиционная коммуникативная роль, различные ситуации, составляющие пресуппозиционный фонд высказывания, благодаря которым говорящий эксплицирует положение «хозяина ситуации»⁷.

Все перечисленные выше субфреймы актуализируют по сути различные варианты одного и того же вида принуждения – *принуждения как воздействия одного лица на волю другого* с целью заставить последнего действовать/поступить определенным образом. В случае же кореферентности субъекта и объекта принуждения речь идет

о ситуации *самопринуждения*, представленной на языковом уровне конструкцией Verb + возвратное местоимение oneself (являющейся, однако, не единственной в плане выражения данного значения), передающей приложение индивидом огромных психических усилий для того, чтобы посредством воздействия на собственную волю совершить определенное действие: *I **could** hardly **bring** myself to say it. But at last I answered her... [A. Golden]*. Наиболее рекуррентными в выражении данного значения являются глаголы *to force* и *(not) to bring oneself to do something*, при этом глагол *to force*, употребляясь в повелительном наклонении, способен выражать каузацию ситуации, предположительно бенефактивной или приятной для адресата: *I couldn't eat another thing! – Go on! **Force yourself!*** (значение, характерное для разговорного стиля британского варианта английского языка) [LDCE]. Большое количество примеров свидетельствует также о возможности метонимического осмысления объекта воздействия при глаголе *to force*, когда в позиции прямого дополнения стоит существительное, обозначающее элемент, *находящийся в сфере самого человека* (eyes, voice, hands and etc.): *She ... stared up at the ceiling and forced **her eyes** to focus; She forced **her voice** to sound businesslike*

[J. N. Malcolm] – смысловое содержание данных предложений позволяет интерпретировать их как *She forced herself to concentrate; She forced herself to speak in a businesslike manner*.

В связи с ограниченностью объема статьи не рассматривается дальнейшая дифференцированность значения принуждения, которая, определяемая ментальностью человека, осмысливающего события действительного мира и их возможные проявления, может потенцировать разные частные оттенки, связанные с функцией глагольной леммы и ее морфологическим статусом (личная форма, инфинитив и др.), ее непосредственным окружением (типом субъекта, импликацией объекта) и общим контекстом.

В целом объемное и многоаспектное содержание концепта «ПРИНУЖДЕНИЕ» и как следствие многочисленность и разнообразность глаголов, репрезентирующих его на языковом уровне, обусловлены спецификой самой категории «принуждение»: абстрактностью феномена принуждение, неоднозначными его оценками, а также наличием разных форм – внешней, или физической, и внутренней, или психической/моральной, и многообразных способов осуществления принуждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Понимание концепта как сложной ментальной единицы с присущими ей свойствами основывается на определениях концепта в следующих работах: *Никитин М. В.* Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004. № 1. С. 53 – 64; *Кобрин Н. А.* О соотносимости ментальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005. С. 77–94; *Стернин И. А.* Значение и концепт // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005. С. 257–282.

² Дефиниции приводятся по словарю Webster's encyclopedic unabridged dictionary of the English language. NY, Gramercy books, 1996.

³ О концепциях воли см.: *Ойгензихт В. А.* Воля и волеизъявление. Душанбе, 1983. С. 156.

⁴ Источники: LLA – Longman language activator. Longman Dictionaries, 2000; LDCE -Longman dictionary of contemporary English. Longman Dictionaries, 2001; R. Bradbury. Адрес: <http://andrey.tsx.org>; K. Kesey. Адрес: <http://frank.deutschesprache.ru>; H. Fielding, A. Golden. Адрес: <http://www.multikulti.ru>; C. Cussler. Raise the Titanic! NY. Bantam books, 1977; J. N. Malcolm. Kill the story. NY. Bantam Books, 1991.

⁵ *Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики. СПб., 1996. С. 439.

⁶ *Шейгал Е. И., Желтухина М. Р.* Фрейм «политик»: серьезное и комическое // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Рязань, 2000. С. 145.

⁷ *Иванова О. В.* Семантико-прагматическая характеристика речевой интенции принуждения в русском языке // Русский язык за рубежом, 1994. № 3. С. 73.